

Май 2026

ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО И ПРЕДЕЛЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОТВЕТА

Опыт Республики Молдова в электоральных кампаниях
2023–2025 годов

Автор: Георгий Чижов,
Политолог, руководитель Центра содействия реформам (Киев)

ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО И ПРЕДЕЛЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОТВЕТА

**Опыт Республики Молдова в электоральных кампаниях
2023–2025 годов**

По мере продолжения российской агрессии в Украине и нарастающей внешнеполитической изоляции РФ экзистенциальное значение для кремлёвского режима приобретает эрозия демократической системы в государствах центральной и южной Европы, а также в странах бывшего СССР.

В случае успеха такая эрозия может пробить брешь в европейском единстве и даже создать сеть «союзников» (в реальности – клиентов) среди национальных правительств, готовых отойти от демократических принципов в обмен на преференции, которые может предоставить им Кремль.

С этой точки зрения политические и электоральные процессы в Республике Молдова представляют собой не просто кейс политической конкуренции в условиях внешнего давления, но и проявление новой, более комплексной и адаптивной модели внешнего вмешательства в демократические процессы. Эта модель, сконструированная и апробированная Кремлём в молдавском контексте, с высокой вероятностью будет воспроизводиться и в других уязвимых демократиях региона – прежде всего в странах Восточного партнёрства, а также в государствах ЕС с высоким уровнем политической поляризации и цифровой уязвимости.

Ключевой вызов, который формирует такая модель, заключается в следующем: суверенные государства вынуждены одновременно защищать свои институты от внешнего вмешательства и сохранять приверженность демократическим стандартам. В ряде случаев эти задачи вступают в противоречие, формируя структурную дилемму, которая в ближайшие годы станет одной из центральных для европейской политики безопасности и демократического управления.

Электоральные кампании 2023–2025 гг. в Республике Молдова существенно изменили стиль и неформальные правила политической конкуренции в стране. В ходе местных выборов 2023-го, президентских 2024-го и парламентских 2025-го власть в целом сохранилась за реформаторской и проевропейской партией «Действие и солидарность» (PAS) и её фактическим лидером президентом страны Майей Санду. Однако некоторые авторитетные международные организации заговорили о «сужении гражданского пространства» / «shrinking civic space»¹ и «негативных последствиях для свободы выражения и объединений» / «negative effects on freedom of expression and association»².

Действия власти, вызвавшие подобные оценки, в прошлом не были характерны для стиля администрирования PAS. Они стали реакцией на резко усилившееся внешнее вмешательство в демократические процессы с использованием инструментов цифровой эпохи. В отличие от предыдущих электоральных циклов, это вмешательство имело не эпизодический, а системный характер

и представляло собой совокупность взаимосвязанных инструментов, объединённых общей стратегией воздействия на электоральное поведение, информационную среду и институциональную устойчивость государства.

Кишинев, Молдова - 28 Сентября 2025:
Президент Молдовы Майя Санду бросает свой бюллетень на избирательный
участок во время парламентских выборов.
Фото: Dan Morar / Shutterstock.com

Субъектом вмешательства, естественно, стала Москва, стремящаяся установить контроль над небольшой и бедной ресурсами Молдовой в силу, в первую очередь, её географического положения (граница сразу с тремя макрорегионами Украины: западом, центром и югом) и уязвимости из-за невключённости в европейские и евроатлантические структуры.

Политическая система страны столкнулась с комплексным воздействием: от организации уличных протестов до обеспечения управляемого голосования представителей диаспоры в подконтрольных странах, от формирования псевдо-проевропейских предвыборных блоков и «роя» полувиртуальных политических партий до скупки «универсального» электорального ресурса, который может быть в последний момент использован для поддержки любого из участников выборов. В Молдове Кремль применил как традиционные, так и «инновационные» политические технологии, сочетающие информационные операции, различные способы незаконного финансирования, институциональное давление через пророссийские силы и управляемую протестную активность.

Этот комплекс вмешательства целесообразно рассматривать как совокупность нескольких взаимодополняющих инструментов:

- цифровые информационные операции;
- финансово-мобилизационные сети;
- прокси-политические структуры;
- управляемая протестная мобилизация;
- манипулирование диаспоральным голосованием.

Их одновременное использование обеспечивало не только масштаб, но и устойчивость воздействия, позволяя компенсировать недостаточную эффективность отдельных инструментов за счёт других.

Особенно масштабной оказалась интервенция в пространство социальных сетей республики. По данным корпорации Meta и независимых исследований, только в экосистеме Facebook и Instagram было выявлено более 100 координированных страниц и аккаунтов, распространявших политический контент с совокупным охватом порядка 155 млн показов³. Эти кампании не были хаотичными: они опирались на сегментацию аудитории и точечную настройку сообщений под разные группы – от сельских избирателей до диаспоры.

Особую роль играл TikTok, где в ходе кампаний фиксировалось массовое распространение коротких видеороликов с политическими сообщениями. Аналитики отмечали использование сетей микроинфлюенсеров: сотни аккаунтов с аудиторией от 10 тысяч до 100 тысяч подписчиков публиковали схожий контент с вариациями, что позволяло обходить алгоритмические ограничения и увеличивать органический охват. В отдельных случаях видеоролики набирали более 1 млн просмотров⁴.

Ключевым элементом инфраструктуры являлась сеть Telegram-каналов, часто маскирующихся под региональные новостные ресурсы. Каналы с названиями вроде «новости Комрата» или «Бельцы сегодня» публиковали синхронизированный контент с минимальной задержкой, создавая иллюзию широкого общественного консенсуса. Эти каналы не только распространяли сообщения, но и служили точками входа в закрытые чаты и боты, через которые происходила координация действий. Расследования выявили десятки каналов с аудиторией от нескольких тысяч до 50–60 тысяч подписчиков, действующих синхронно. При этом администрировались они из-за рубежа или через анонимные аккаунты.

Через закрытые Telegram-чаты и боты участники получали ежедневные задания (например, оставить комментарии под новостями, распространить конкретные

посты), инструкции по участию в протестах и шаблоны сообщений для социальных сетей. Использовались и так называемые «пакеты задач»: участнику предлагалось выполнить набор действий (например, 10 комментариев, 3 репоста, участие в офлайн-мероприятии) за фиксированное вознаграждение⁵. Таким образом, цифровые операции выполняли не только функцию распространения информации, но и роль инфраструктурного каркаса всей кампании: от рекрутирования участников до координации офлайн-действий.

Для непосредственного воздействия на электоральное поведение молдавских избирателей была создана сеть, которую обычно ассоциируют с политиком и бизнесменом Иланом Шором – он заочно осуждён в Молдове по обвинению в крупных финансовых преступлениях и живёт сейчас в Израиле и в России. По данным Национального антикоррупционного центра, объём средств, распределённых через эту сеть, достигал 39 млн долларов, а число вовлечённых участников около 130 тыс. человек⁶ – значительная величина для страны с населением подконтрольной правительству территории менее 2,5 миллионов. Впрочем, регулярно выполняло задания лишь «активное ядро» численностью около 20–30 тыс. человек.

Организация функционировала по принципу многоуровневой структуры. На верхнем уровне находились координаторы, действовавшие из-за пределов страны. Ниже – региональные кураторы, которые контролировали сети по 100–300 человек. Ещё ниже – так называемые «бригадиры», управлявшие небольшими группами исполнителей. Последние получали конкретные задания: участвовать в протестах, распространять сообщения в соцсетях, агитировать знакомых и, в конечном итоге, голосовать определённым образом. Коммуникация происходила через Telegram и мессенджеры, а также посредством личных встреч.

Финансовая мотивация была построена достаточно сложно. Участники получали выплаты за регистрацию, выполнение заданий и привлечение новых людей. Участие в митингах оценивалось в 200–400 леев (10–20 евро) в день, в отдельных случаях до 700 леев при длительных акциях; бонусы за привлечение новых участников – до 300 леев за человека; выплаты за голосование – от 500 до 1500 леев⁷. Политическая мобилизация приобретала черты коммерческой деятельности с элементами сетевого маркетинга, причём одни и те же люди могли получать выплаты в разных кампаниях и мероприятиях. Финансовые потоки проходили различными каналами: в страну физически ввозились наличные средства, использовались банковские переводы через посредников, а также криптовалютные транзакции (с последующим обналичиванием в Молдове). Последний инструмент позволял обходить традиционные механизмы финансового контроля. Фактически речь шла о создании гибридной финансово-политической сети, способной конвертировать ресурсы в

в электоральное поведение с высокой степенью управляемости. В отличие от традиционного подкупа избирателей, эта модель оказалась масштабируемой и воспроизводимой.

Протестная активность в Кишинёве и других городах во многих случаях обеспечивалась централизованной организацией и финансировались через те же сети. Участникам компенсировались транспортные расходы, предоставлялось питание, а в некоторых случаях – прямые выплаты за участие. Фиксировалась доставка автобусами из регионов в соответствии со списками⁸. Управляемые протесты выполняли двойную функцию: с одной стороны – давление на власть и формирование образа массового недовольства, с другой – инструмент тестирования и мобилизации лояльных сетей.

Осознав масштаб выстроенной системы и качественно новую реальную угрозу для государства, молдавские власти взялись за её нейтрализацию. Уже в 2023 году Конституционный суд Молдовы признал политическую партию «Шор» неконституционной. Основанием послужили доказательства системного подкупа избирателей и незаконного иностранного финансирования⁹. Когда связанные с Шором структуры попытались участвовать в выборах под новыми брендами, власти применили превентивные ограничения. В частности, партия «Шанс» была снята с местных выборов всего за два дня до голосования, что автоматически привело к исключению из бюллетеней около 600 кандидатов. Практика недопущения партий к участию получила развитие и накануне парламентских выборов 2025-го. Формирование структурами Шора сети избирателей, готовых проголосовать за ту партию, на которую в последний момент укажет куратор, разбилось о тотальную блокировку участия «шоровских» кандидатов в выборах.

Кишинёв, Молдова — 3 июня 2024 года: вице-президент запрещённой политической партии «Шор» Марина Таубер (в центре) выступает на пресс-конференции политического блока «Победа» в Кишинёве, Молдова.

Фото: Dan Morar / Shutterstock.com

Началось уголовное преследование соратников Шора. Заочно осуждена Марина Таубер (фактически руководившая партией «Шор» после бегства

самого бизнесмена), оказалась за решёткой Евгения Гуцул, башкан (глава) Гагаузии – автономии в составе Молдовы. Обоих фактически обвинили в распоряжении средствами, полученными от организованной преступной группы.

Были приостановлены лицензии 13 молдавских телеканалов, часть из них так и не возобновили вещание. Более 100 интернет-ресурсов, включая сайты, связанные с российскими источниками информации, столкнулись с блокировкой доступа к контенту с территории республики¹⁰. Владельцы независимых Telegram-каналов, публиковавших информацию за деньги (незаконная, но прежде ненаказуемая практика), получили неформальные предупреждения со стороны властей.

Число избирательных участков, открытых для голосования граждан Молдовы в России на выборах 2024-2025 гг. составило всего 2 (для сравнения, во Франции – 26, в Германии – 36, в Италии – 75). В 2025-ом на правом берегу Днестра было открыто лишь 12 участков для голосования жителей Приднестровья по сравнению с 30 участками в 2024-ом. Центризбирком республики прямо обосновывал такое решение, в том числе, рисками подкупа и организованного подвоза избирателей.

Такие меры следует воспринимать как переход к стратегии «активной защиты» демократического процесса, предполагающей не только реактивное, но и превентивное ограничение акторов и каналов, используемых для внешнего вмешательства. И именно на этом этапе наиболее явно проявилась фундаментальная дилемма: меры, направленные на защиту демократии и её институтов от внешнего давления, начали затрагивать её базовые принципы – политический плюрализм, свободу выражения мнений и равенство избирательных прав.

Международные наблюдатели отмечали, что такие ограничения, хотя и имеют обоснование с точки зрения безопасности, затрагивают принцип всеобщего избирательного права¹¹. Венецианская комиссия указала на необходимость соблюдения принципа пропорциональности при запрете партий и индивидуального подхода к кандидатам¹². ОБСЕ отметила ограниченные возможности судебного обжалования и снижение уровня политической конкуренции¹³. Freedom House и Reporters Without Borders критиковали непрозрачность решений о фактическом закрытии СМИ и потенциальные риски для свободы выражения мнений¹⁴.

Стоит отметить, что критика в адрес властей Молдовы со стороны международных и неправительственных организаций, а также экспертов из демократических стран звучит весьма осторожно. Практически все критики (кроме пророссийских) демонстрируют понимание вызовов и угроз свободе

выбора в стране со стороны путинской России, не сомневаются в злонамеренности и пагубности российского влияния. Описанная дилемма не является уникальной и актуальной только для Молдовы. Она отражает более широкую тенденцию, с которой уже сталкиваются или в ближайшее время столкнутся другие демократические государства. И нельзя не заметить, что не достигнув главной цели – отказа Молдовы от проевропейской ориентации – Москва добилась определённого снижения стандартов демократического регулирования политической конкуренции и деятельности СМИ.

Молдавский кейс следует рассматривать в более широком макрорегиональном контексте. Схожие элементы – использование цифровых платформ, финансовых сетей и прокси-структур – уже фиксируются в других странах центральной Европы и на Балканах, например в Румынии и Болгарии. По мере накопления опыта электоральных кампаний в государствах ЕС можно ожидать адаптации таких инструментов к более сложным политическим и институциональным средам.

Для европейских государств это означает необходимость разработки более тонко настроенных инструментов противодействия, которые позволяли бы выявлять и нейтрализовать внешние сети влияния на ранних стадиях, обеспечивать прозрачность и подотчётность принимаемых ограничительных мер, а также сохранять возможности для политической конкуренции и общественной дискуссии даже в условиях повышенных угроз.

Существующие подходы, как показывает опыт Республики Молдова, часто оказываются либо недостаточными для нейтрализации вмешательства, либо чрезмерными с точки зрения их воздействия на демократическую среду. Концепция «защищающейся демократии» в самое ближайшее время может оказаться весьма актуальной для многих европейских стран. Однако её практическая реализация требует не только политической воли, но и институционального дизайна, способного удерживать баланс между эффективностью и легитимностью. Без этого риск эрозии демократических стандартов под воздействием внешнего давления будет лишь возрастать – вне зависимости от исхода конкретных электоральных кампаний.

Источники:

1. https://eap-csf.eu/articles/resolution-of-the-eap-civil-society-forum-2025/?utm_source=chatgpt.com
<https://afew.org/shrinking-civic-space-marginalized-populations-in-eastern-europe-and-central-asia>
2. https://enlargement.ec.europa.eu/document/download/23fa6af0-89b3-4532-a3d9-d1638727d14c_en?filename=moldova-report-2025.pdf&utm
3. Meta. Adversarial Threat Report, 2023
4. DFRLab. Disinformation and TikTok in Eastern Europe, 2024
5. WatchDog.MD. Disinformation networks and coordinated behavior, 2023
6. Национальный антикоррупционный центр Молдовы (CNA). Отчёты исследований, 2024
7. European External Action Service (EEAS). Foreign Information Manipulation and Interference Reports, 2023
8. WatchDog.MD. Political corruption and protest mobilization, 2023
9. Решение Конституционного суда Молдовы, 2023
10. Freedom House, 2024
Reporters Without Borders, 2024
11. OSCE/ODIHR. Election Observation Mission Report: Moldova, 2024
12. Венецианская комиссия. Opinions on Moldova, 2023
13. OSCE/ODIHR. Election Observation Mission Report: Moldova, 2024
14. Freedom House, 2024
Reporters Without Borders, 2024

Washington, DC
May 2026